

Н. Эндземинъ.

О СУДЬБѢ НОСОВЫХЪ ЗВУКОВЪ

ВЪ ЛАТЫШСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1910 г. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпшій*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XV (1910 г.), кн. 2.

О судьбѣ носовыхъ звуковъ въ латышскомъ языкѣ.

Въ этой статьѣ я хочу главнымъ образомъ по мѣрѣ возможности выяснитъ судьбу пранидоевропейскихъ тавтосиллабическихъ сочетаній гласныхъ съ носовыми согласными *n* и *m* въ латышскомъ языкѣ. Относительно сочетаній гласныхъ съ *m* уже Биленштейнъ пришелъ къ заключенію: «Wo *m* kein blosses Einschiesel, wo *m* nicht um euphonischer Rücksichten willen für *n* steht, (cf. klúpu aus klumpu für klunpu), sondern ursprünglich und *wurzelhaft* und insbesondere Wurzelauslaut ist, da ...es... beharrt... ein für alle Mal» (Lettische Sprache § 93; и въ подтвержденіе этого имъ приводятся примѣры *dziimt* «родиться», *juimt* «крыть», *stuimt* «толкать» и др.). И это заключеніе, по моему мнѣнію, довольно правильно. Но затѣмъ онъ самъ (на стр. 145 и слл.) въ числѣ примѣровъ съ «незаконно» сохранившимся носовымъ согласнымъ приводитъ также *gumdinât* «поощрять», *trimda* «изгнаніе», *gremzt* «грызть», *krimst* «грызть», *siñts* «сто», *ciñds* «перчатка» и др., считая почему-то ихъ *m* не корневымъ. И главному правилу онъ даетъ слѣдующую форму: «Die lettische Sprache duldet heutzutage in der Regel ebensowenig als die slavische einen Nasal (*n* oder *m*) vor einem andern Consonanten» (тамъ же, § 89; ср. также § 60). Послѣ такого недостаточно отчетливаго изложенія дѣла неудивительно, что среди языковѣдовъ распространилось мнѣніе, будто-бы судьба тавтосиллабическаго *n* и *m* въ латышскомъ языкѣ вообще одинакова (ср. напр. Bezenberger KZ. 42, 192, Prellwitz BB. 21, 236, Berneker Slav. etymol. Wörterb. 79, Поржезинскій, Къ исторіи формъ спряж. въ балт. яз. 97). Въ общемъ къ

этому мѣнью присоединяется и *Zubatý*, однако съ оговоркою, что *m* въ положеніи передъ *d* и *t* правильно сохраняется (AfsIPh. 15, 498¹; ср. также JFAnz. 3, 157¹ и Sitzungsber. d. kön. böhm. Ges. d. Wiss. 1895 XVI 16¹). Видно, что данный вопросъ нуждается еще въ болѣе подробномъ изслѣдованіи.

Что касается сочетаній гласныхъ съ *m* передъ *d* и *t*, то я не знаю ни одного примѣра, гдѣ бы они превратились (подобно сочетаніямъ гласныхъ съ *n*) въ *ü*, *ë*, *ī*, *ū* (примѣровъ же съ сохранившимся *-md-* и *-mt-* довольно много: кромѣ вышеупомянутыхъ *gumdinât*, *trimda*, *krimst* съ настоящимъ врем. *kreimtu*, *simts*, *ciimds*, ср. напримѣръ еще примѣры, приведенные Биленштейномъ I. с. § 93), и поэтому присоединяюсь къ мнѣнію Зубатаго, что сочетанія *-mt-*, *-md-* не теряютъ носового звука. Относительно же древности этихъ сочетаній въ балтійскихъ языкахъ я съ большинствомъ языковѣдовъ полагаю, что они восходятъ непосредственно къ индоевропейскому праязыку. Это оспариваетъ, насколько мнѣ извѣстно, только Bartholomae (Grundr. d. iran. Philol. I 4, 25), утверждая, что формы съ *-m-* передъ зубными представляютъ собою позднія новообразования отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, и объясняя *m* въ лит. *šimtas* «сто» вліяніемъ формы *dēšimt* «десять», гдѣ въ свою очередь *m* будто-бы получило подъ вліяніемъ утраченной теперь формы, соответствовавшей латинскому *decem* или *decimus*. Какъ видно, это объясненіе не очень правдоподобно. А *m* въ такихъ формахъ какъ лит. *kremtù* (латышск. *kreimtu*), латышск. *ciimds* и др. онъ даже не пытается объяснить, и поэтому мы пока имѣемъ право не считаться съ этою гипотезою Бартоломэ. И, какъ я надѣюсь, дальнѣйшій ходъ этого изслѣдованія покажетъ, что въ литовско-латышскій праязыкъ перешли изъ индоевропейскаго праязыка кромѣ *-mt-*, *-md-* также сочетанія *-np-*, *-nb-*, *-mk-*, *-mg-*. Можетъ быть, также сочетанія *-nk-*, *-ng-* съ небозубнымъ *n*; что возможность этого не исключена, показываетъ латышск. *kuñgs* «господинъ»: въ большинствѣ говоровъ оно произносится съ задненебнымъ *n*, а въ части; по крайней мѣрѣ, восточно-латышскихъ говоровъ еще съ небозубнымъ *n* (такъ по указанію Бецценбергера Lett. Dial.-Stud. 157 въ Варкландѣ, Ново-Пебальгѣ и Шваненбургѣ, и по сообщенію г. Мюленбаха въ Леттинѣ), что объясняется, въ-

роятно, выпадением гласнаго между *n* и *g* въ этомъ заимствованномъ словѣ, ср. дреакс. и дрврхнѣм. *kuning*, лит. *kūni(n)gas*, эст. *kuniŋ-g(as)*.—Съ другой стороны наукою уже отмѣчены отдѣльные случаи перехода *-mt-*, *-md-* въ *-nt-*, *-nd-* въ балтійскихъ языкахъ. И Педерсенъ (KZ. 38, 396 сл.), ссылаясь на лит. *kraĩtas* «крутой берегъ» (Бура *Aistiški Studijai* I 30 приводитъ также форму *kránta* изъ двухъ лит. говоровъ) и *žėntas* «зять» какъ на примѣры перехода *-mt-* въ *-nt-*¹⁾, думаетъ даже, что въ балтійскихъ языкахъ, можетъ-быть, сохранилось *m* передъ зубными только въ *-im-* изъ *m*. Что это мнѣніе неправильно, покажетъ слѣдующій обзоръ извѣстныхъ мнѣ литовскихъ и латышскихъ формъ съ *n* изъ *m* передъ зубными. Изъ литовскаго языка мнѣ извѣстны формы: *gintas* «матка» (анат.), у Беценбергера Lit. Forsch. 113, по правдоподобному предположенію Лескина (Bild. d. Nom. im Lit. 537) къ *gimti* «родиться» (ср. *gimtūvės* «матка» у Юшкевича); *tuntas* «толпа, громада» изъ (и рядомъ съ) *tumtas* у Лескина (l. c. 538; у Межиниса также *tumstas* «множество»), вѣроятно къ латинск. *tumeo* и др.²⁾, ср. этимол. словарь Walde; жем. *sundau* изъ *sūmdau*. Затѣмъ рядомъ стоятъ однозначащія *grėnd(ži)u* и *grėmžd(ži)u* «скребу», *grándyti* и *grámdyti* «скребать», и соответствующія формы родственныхъ языковъ не мѣшаютъ намъ думать, что *m* тутъ старше, ср. Fick, Vergl. Wörterb. III⁴ 142. Ниже приводится еще *gūndyti*. Изъ латышскаго же языка я могу привести формы: *juŋts* «крыша», наприм. въ Абзенау, Кайпенѣ, Фестенѣ (гдѣ въ *ciŋds* и *simts* *m* сохраняется), Дондангенѣ, Шлекѣ (гдѣ говорятъ: *simts*), изъ обычнаго *juŋts* (или по П. Шмидту: *juŋts*); *ciŋds*, наприм. въ Нидеръ-Бартау, BW. 6951 var. и 14583 var. (изъ Либьена), изъ обычнаго *ciŋds*; *saĩts* «бархатъ» изъ *samts* (изъ нѣм. *Samm(e)t*); *stundit, откуда III л. прош. вр. *stun-*

1) По моему, это—довольно сомнительные примѣры: относительно *žėntas* ср. Walde (Lat. etymol. Wörterb.) подъ *gener*, и относительно *kraĩtas*—Zurpita KZ. 36, 65 и Mikkola JF. 23, 121. Если въ послѣднемъ словѣ *-nt-* не изъ *-mt-*, то латышское (малоизвѣстное) *krants* «берегъ» вѣроятно заимствовано изъ лит. языка.

2) Сюда относятся также латышск. *tume* (если оно не заимствовано) «Tumm (прибалтійскій провинціализмъ нѣм. языка), Buttergrütze» и *tumīgs* «*dick, fleischig, untersetzt*».

diejas (произносится, вѣроятно: *stundējās*) «*popychali się*» Zbiór wiadomości XVIII 451, изъ обычнаго *stuñdit* «пихать»; *dindēt* «гудѣть» (съ производною формою: *dindināt*), наприм. BW. 16626, въ Эрлаа, Ново-Шванебургѣ, изъ обычнаго *diñdēt* (съ *dimdināt*; къ *dimt*); (отъ корня *gem-*, ср. Fick, Vergl. Wörterb. III⁴, 339) *rints* «крѣпкій» BW. 13186, 2 вар. изъ *rimts* BW. 13186, 3, *randins* (съ діалектическимъ переходомъ *e* въ *a*) въ Саусенѣ BB. XII 233 (рядомъ съ III л. наст. вр. *remdē* «*lindert*» BB. XIV 121) или *riñdans* (*rindens*) рядомъ съ *reñdens* или *rimdens* «тепловатый», и *rindēt* (Ulm.) «*kühlen lassen*»; *grandīt* (Ulm.) «*poltern, zertrümmern*» или (у П. Шмидта) *grañdit* «сбросить съ шумомъ»: лит. *gramėti* «падать съ шумомъ» (ср. выше лит. *grámdyti*); *gundīt* (Ulm.; и лит. *gūndyti*) «*zum Bösen anreizen*» рядомъ съ *gumdit* (ср. лит. *gumė* «*Ärgerniss*»). Приведенные мною примѣры несомнѣннаго перехода *m* передъ зубными въ *n*¹⁾ показываютъ, съ одной стороны, что этотъ переходъ въ балтійскихъ языкахъ наблюдается пока только спорадически, не поддаваясь никакому «закону» (какъ и вообще въ области ассимиляціи и диссимиляціи далеко не все происходитъ закономѣрно), — съ другой стороны, что не исключена возможность производить отдѣльныя литовскія и особенно латышскія формы съ *-nd-*, *-nt-* отъ корней на *-m*. Такъ, напримѣръ, латышское *negants* «необузданный», можетъ-быть, имѣеть *-nt-* изъ *-mt-* и состоитъ въ такомъ случаѣ изъ отрицанія *ne* и формы, соотвѣтствовавшей лит. *gamta* «*angeborene Art, Natur, Tugend*» у Лескина I. с. 542 (въ такомъ случаѣ *negants* въ семасиологическомъ отношеніи соотвѣтствовало бы однозначающему нѣм. *unartig*). — Сохраненіе *-nt-*, *-nd-* изъ *-mt-*, *-md-* въ латышскомъ языкѣ объясняется, разумѣется, тѣмъ, что вокализація тавтосиллабическихъ сочетаній гласныхъ съ исконнымъ *n* кончилась (или по крайней мѣрѣ началась) еще до спорадическаго перехода *m* передъ зубными въ *n*.

Примѣры сохраненія *m* передъ свистящими и шипящими въ латыш-

---

1) Можно еще указать, что Бецценбергеръ BB. 21, 316¹ сближаетъ латышск. *uñtums* «прихоть, порывъ бѣшенства» съ латышск. *umas* (Ulm.) «*Streit aus nichtigen Gründen*» и др.

скомъ языкѣ довольно многочисленны: drums(ta)las «щетки, обрубки»; gleĩža «лѣнивый и неуклюжій человекъ»; gramšlī «остатки, обрѣзки»; graĩstīt «копаться пальцами, шупать»; gremzt «грызть»; grēmzdi «болонь, оболонка, подкорная слизь»; grēmzda «изжога»; gremži (Ulm.) «ausgeschmolzenes und geröstetes Fett»; grumslas «вытопки, выварки»; gumzīt «мять»; gumstīt (Ulm.) «heimlich fangen, fahen»; kramstīt «грызть»; kriĩslis или krumslis «хрящъ»; lumsti (Ulm.) «Weberhefteln»; tuĩsa или timsa «темнота, мракъ» и др. Съ другой стороны, вокализацию *m* въ этомъ положеніи доказываютъ двумя примѣрами. Зубатый I. с., въ виду гот. mĩnz «мясо», относить сюда mēsa «тѣло». Но, если второе *m* въ гот. mĩnz не получилось изъ *n* путемъ ассимиляціи, то можно допустить, что *ē* въ mēsa возникло изъ *en*¹⁾, гдѣ *n* изъ *m* путемъ диссимиляціи (ср. прусск. mensā), какую мы находимъ также въ формѣ muĩs «намъ» (рядомъ съ juĩs «вамъ») изъ muĩns, извѣстной мнѣ изъ многихъ говоровъ сѣверо-западной Курляндіи (напр. въ Сасмакенѣ, Тальсенѣ, Стенденѣ и др.) и изъ текста написаннаго около 1600 г. и напечатаннаго мною въ журналѣ Apskats I 255. И если Зубатый далѣе думаетъ, что лит. vémsiu, напримѣръ, имѣетъ *ém* (вмѣсто ожидаемаго *é*) подъ вліяніемъ, наприм., инфинитива vémti, какъ pĩnsiu вмѣсто pĩsiu подъ вліяніемъ pĩnti, то спрашивается, почему не встрѣчается рядомъ съ vémsiu еще и *vésiu, какъ pĩsiu рядомъ съ pĩnsiu? Walde, который также предполагаетъ переходъ -ms- въ балтійскомъ въ -ns- (I. с. подъ membrum), ссылается на mēsa и на лит. ašà, латышск. ūsa или ūss (основа на -i) «ручка, ушко»²⁾ возводя ašà и ūsa съ латинск. ansa на основаніи однозначнаго латинск. ampla къ *amsā. Но, какъ мы видѣли, mēsa допускаетъ и другое объясненіе, и если бы мы даже дѣйствительно только изъ-за латинск. ampla должны были возводить ašà, ūsa, ansa къ *amsā (что, по моему мнѣнію, вовсе не безспорно), то во всякомъ случаѣ переходъ -ms- въ -ns- въ этомъ словѣ совершился не позже эпохи литовско-ла-

1) Также Mikola (BB. 22, 242) возводитъ тутъ *ē* къ *en*, «denn *m* ist in allen balt. sprachen vor dentalen erhalten».

2) Съ ними обыкновенно сопоставляютъ прусск. ansis «Накенъ»; но это слово Буга I. с. 108 правдоподобнѣе считаетъ тождественнымъ съ однозначнымъ лит. a Ń š a s.

тышскаго праязыка и поэтому ничего не доказываетъ въ пользу вокализации *m* передъ свистящими на латышской почвѣ. Послѣ всего этого я конечно не согласенъ и съ Беценбергеромъ, который KZ. 42, 192 возводитъ *ī* въ латышск. *stūstītēs* «заикаться» къ *am*; я считаю это *ī* тождественнымъ съ *ī* (изъ индоевр. *ō*) въ однозначащемъ *stūmītēs*¹⁾, ср. также Zubatý Sitzungsber. d. kön. böhm. Ges. d. Wiss. 1895, XVI, 27.

Сочетанія *-mg-*, *-mk-* въ латышскомъ языкѣ неизвѣстны ни Биленштейну l. c. I 82, ни мнѣ²⁾; да и изъ литовскаго языка я сейчасъ могу привести только *išinga* «Ausgedinge» (гдѣ *m* могло сохраниться подъ влияніемъ соответствующаго глагола *išiĩti*, откуда и однозначащее *išimtinė*) и заимствованныя слова *dimkai* (ср. Brückner Litu-slav. Studien I 80), *kamka* (ср. Brückner l. c. 89 и Bezenberger GGA. 1885 g. 910), *klumkas* (ср. Brückner l. c. 95), *mamkā* (Brückner l. c. 106). Съ другой стороны, я не знаю также ни одного примѣра вокализации *m* передъ *g*, *k*. И поэтому я считаю вѣроятнымъ, что существовавшія въ эпоху литовско-латышскаго праязыка сочетанія *-mg-*, *-mk-* послѣ распада этого единства (по крайней мѣрѣ, послѣ начала вокализации тавтосиллабическаго *n*) перешли въ *-ng-*, *-nk-* и въ литовскомъ и въ латышскомъ. Несомнѣнныхъ примѣровъ такого перехода я сейчасъ, правда, не знаю, но все-таки приведу нѣсколько словъ, въ которыхъ *-ng-*, *-nk-*, можетъ быть, восходить къ *-mg-*, *-mk-*: лит. *dīnga* рядомъ съ однозначащимъ *dimsta* «кажется»; лит. *gūnga* «горбина», *gūngti* «сутулиться», *gūnginti* «медленно идти (о скорчившемся чловѣкѣ)», *gūnkla* «горбина», рядомъ съ *gūmūti* «нести (большую тяжесть); вяло идти (о скорбившемся старикѣ)»; лит. *luñginti*, латышск. *luñcinātēs* «вилять хвостомъ», *luñkis* (Ulm.) «Schmeichler, Fuchschwänzer», рядомъ съ *lumstītēs* (Ulm.) «schmeicheln, scherwenzeln;

1) Рядомъ съ *stūmītēs* стоитъ однозначащее *mūstīt*; если, быть-можетъ, послѣднее возникло изъ перваго путемъ (довольно обычной въ балтійскихъ языкахъ) перестановки, то *stūstītēs* могло возникнуть путемъ контаминаціи однозначащихъ *stūmītēs* и *mūstīt* (ср. также однозначащее *tūstītēs*).

2) *remkīs* въ словарѣ Ульмана, очевидно, опечатка вмѣсто *reñkīs* (къ *reñkēt*).

лит. *stangùs* «widerspenstig», *sténgtis* «sich widersetzen», *stíngti*, латышск. *stiņgt* «коченѣть», *stiņgrs* «тырой», *stęng(r)s* (Ulm.) «trotzig, kräftig, streng»¹⁾ рядомъ съ лит. *staminti* «dämpfen», *stamančioti* «hartnäckig sein», герм. **stam(m)ian* «stehen machen, stemmen, steif machen» (о которомъ ср. Fick, Vergl. Wörterb. III⁴ 483; относительно «детерминативнаго» *g* ср. P. Persson, Studien zur Lehre v. d. Wurzelweiterung u. Wurzelvariation 15 сл.); латышск. *ciņgulis* или *kungulis* «(сухая и небольшая) глыба земли», рядомъ съ *kama*²⁾ «глыба», р. *комъ*; *blankumains* (или *plankumains*), рядомъ съ однозначащимъ *blamains* (Ulm.) «fleckig»; *dungans* (Ulm.) «Schweissfuchs» (собственно: рыже-чалый), вѣроятно отъ *đumjš* (Ulm.) «dunkelbraun, fahl», какъ наприм. *zilgans* «синеватый» отъ *zils* «синій (о происхожденіи суффикса -gans ср. нашу Latweeschu gramatika § 52, 1; однозначащая же съ *dungans* форма *dūkans* можетъ восходить къ индоевр. **dhūk-*, ср. дрврхн. *tougan* или *dougan* «dunkel, finster» Fick l. c. III⁴ 208); (ë)langât (Ulm.) «Spitznamen geben», вѣроятно отъ *ēlams* (Ulm.) «Spitzname», и *palangi* «Ekelnamen» отъ *palama* «Schimpfname»; *klandzinât* (Ulm.) «gackern, herfallen über», рядомъ съ *klamstêt* (Ulm.) «räsonnieren, schwatzen, schimpfen»; *klęngût* (Ulm.) или *klungât* «herumschlendern», рядомъ съ *klemzêt* (Ulm.) «wandern», и *klencêt* (Ulm.) «humpeln», рядомъ съ лит. *klemšiôtî* «plump gehen»; лат. *atsluncêtês* «herhinken» отъ *slums* «хромой».

Остается наиболѣе трудный вопросъ о судьбѣ сочетаній -mb-, -mp-. Если *m* передъ прочими согласными сохраняется, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно сохраняется также передъ губными, и поэтому мы должны обратиться къ разсмотрѣнію данныхъ языка. Что касается та-кихъ формъ настоящаго времени съ носовымъ ификсомъ какъ *tūpu*

1) Діал. *striņgs* (напр. въ Вольмарѣ) вѣроятно получилось путемъ перестановки изъ однозначащаго *stiņgrs*, какъ и *strangs* (Ulm.) «mutig, frisch» изъ **stangr(a)s* (ср. *stęngrs*); и подъ влияніемъ этого *striņgs* (и *strigt?*), можетъ быть, получилось *stringt* изъ отчасти однозначащаго *stiņgt*.

2) Въ словарѣ Ульмана подъ *ciñbulis* (= *ciņgulis*) приводится также *ciñulis*, но это вѣроятно опечатка вмѣсто *ciñpulis*. Сюда же, можетъ-быть, относится также *kañse* (или *kampra*) «ein derbes Stück Brot».

(= лит. *tampù*) «дѣлаюсь» (въ которыхъ носовой звукъ въ латышскомъ языкѣ вездѣ подвергся вокализаци), то ничто намъ не мѣшаетъ думать, что въ то время, къ которому восходитъ начало вокализаци тавтосиллабическаго *n*, этотъ носовой инфиксъ произносился еще и передъ губными согласными какъ *n* (хотя бы подъ вліяніемъ формъ съ *n* передъ прочими согласными). Подобнымъ образомъ мы можемъ смотрѣть на прочія формы съ носовымъ инфиксомъ (индоевр. *n*) и на формы, произведенныя отъ корней на *-n*. Примѣры: *tèptês* «упоретвовать» (лит. *teĩpti* «durch Ziehen spannen») отъ индоевр. корня *ten-*; *stèbrs* (откуда путемъ перестановки *strèbs* съ производною формою *strèbulis*; лит. *steĩbras* «Stengel») «стебель, ростокъ, ситникъ» и *stũbrs* (откуда путемъ перестановки *strũbs*; лит. *stambras* «Stengel, Strunk») «Halm, Rohr» рядомъ съ *steberes* (Ulm.) «Binsen» и *stabule* «дудка, труба» (ср. *Zubatý Sitzungsber. d. kön.-böhm. Ges. d. Wiss.* 1895 XVI 15 сл.); *strũps* «улей» (вѣроятно тождественно съ лит. *straĩpas* «Knüttel, ein unregelmässig behauenes oder überhaupt formloses Stück Holz»; ср. латышск. *kũciñš* или *kũcis* «улей» отъ *k'ũks* «дерево, палка»), можетъ быть, къ р. *стронъ*, *стронило* и др.; *gũbs* «зарубка» (ср. слав. *гоубъ*; сѣвернолитовскія формы *gũbti* и *gũbtũvas*, на которыя ссылается Бенценбергеръ ВВ. 27, 150, возводя *ũ* къ индоевр. *õ*, вѣроятно заимствованы изъ латышскаго языка) рядомъ съ *gũtit*, лит. *gantũti*, *gẽsti* «зарубать»; *pẽpe* «пѣсень, трутникъ, древесная губка» (ср. лит. діал. *kẽmpẽ* «Schwamm» у Буги I. с. 87 и 111, по мнѣнію Буги путемъ диссимиляци изъ *pẽmpẽ) рядомъ съ прусск. *pĩntys*, лит. *pĩntis* «Schwamm am Baum, Feuerschwamm», латышск. *pũss* (Ulm., съ тѣмъ же значеніемъ какъ и *pẽpe*. Сюда же, по моему мнѣнію, относится латышск. *pũpe* «Wiese ohne festen Untergrund über Seerändern; moosigter Hügel in Morast und feuchten Wiesen; Polster», ср. прусск. *papĩmpis* «Polster» и латышск. *pĩsa* или *pĩse* «grundloser Morast». Всѣ эти формы, можетъ быть, родственны съ лит. *pĩnti*, латышск. *pĩt* «плести», какъ относительно *pĩsa* склонень думать и Лескинъ *Bildung der Nomina im Lit.* 220, ср. нѣм. *Flechte* «лишай»: *flechten* «плести»). А что до формъ, гдѣ вмѣсто вокализаци носового инфикса *n* мы видимъ *m*, какъ, по всей вѣроятности, наприм. въ словахъ *stimbens* и *stumbans* (ср. *Zubatý* I. с. 16), *strumps* (ср.

лит. *truĩpas*) рядомъ съ однозначашимъ *strups* «kurz abgestutzt», *stẽmpurs* «Pferdeapfel» рядомъ съ однозначашимъ *stapari* (рядомъ стоитъ однозначашая форма *stẽmpulis*, которая, можетъ быть, получилаcя путемъ диссимиляціи изъ *stẽmpuris, а эта форма можетъ относиться къ *stẽmpurs*, какъ наприм. фр. *trẽsor* къ лат. *thesaurus*, ср. Brugmann Grundr. I² § 995), то или слѣдуетъ смотрѣть на нихъ такъ же, какъ на отдѣльные случаи сохраненія тавтосиллабическаго *n* въ родѣ *dzintars* «янтарь», *gĩnda* «рядъ», *piĩka* «косма» и др., о которыхъ будетъ рѣчь ниже, или же можно думать также, что въ единичныхъ случаяхъ сочетанія *-nb-*, *-nr-* перешли въ *-mb-*, *-mr-* еще до начала вокализации тавтосиллабическаго *n*, ср. вышеупомянутые случаи перехода *-md-*, *-mt-* въ *-nd-*, *-nt-*. Формы же съ исконнымъ *m*, повидимому, сохраняютъ его: *dumbrs* при *dumjš*, ср. KZ. 42, 387; *vimb* (Ulm.) «der herabfließende Speichel, Geifer» къ *veĩnt* «рвать, блевать» (Leskien, l. c. 591); *pũmpains laiks* (Ulm.) «Schlackenwetter» рядомъ съ *pũmõtës* (ср. словарь Ульмана); формы отъ корня *remp-* (*ramp-*, *rimp-*, *rump-*, ср. словарь Ульмана), которыя въ виду своего значенія, по всей вѣроятности, имѣютъ исконное *m* (соотвѣтствующія формы родственныхъ языковъ даютъ наприм. Prellwitz Etymol. Wrtb. d. griech. Spr. подъ $\pi\acute{\epsilon}\mu\phi\acute{\iota}\xi$, Walde подъ *rampinus*, Fick l. c. III⁴ 229); то-же самое слѣдуетъ сказать о разныхъ словахъ отъ коренныхъ формъ *bamb-*, *bimb-*, *bumb-* (ср. словарь Ульмана; соотвѣтствующія формы родственныхъ формъ наприм. у Фика l. c. III⁴ 218 и Бернекера Slav. etymol. Wrtb. 78 сл., который однако, по моему мнѣнью, напрасно объясняетъ сохраненіе *m* въ латышскихъ формахъ «durch Lautberichtigung»); *grimbulis* (Ulm.) «Senkstein im Netze; Fischergabel, das Netz zu senken» рядомъ съ *grĩnt* «погрузиться»; *kam̃pis* (Ulm.) «Halseisen; Krummholz» рядомъ съ *seme* (Ulm.) «Krampe, Hemme», ср. также соотвѣтствующія формы съ кореннымъ *m* въ родственныхъ языкахъ у Фика l. c. III⁴ 73 сл.; *klambât* или *klampât* (Ulm.) «plump gehen» рядомъ съ однозначашимъ лит. *klemšĩoti*. Старое *m*, по моему мнѣнью, имѣетъ также *kaĩmpt* «хватать» (которое обыкновенно сопоставляютъ съ лат. *capere*, гот. *hafjan* и др.): ср. подобныя звукоподражательныя формы *kaĩmpt* «схватывать», *capst* (ср. словарь

Ульмана), *capstīt* «схватывать», лит. *cāpt, čupt, čūpti* (Leskien JF. XIII 190 и 193), слав. *сарати* (Berneker I. с. 121). Въ нѣкоторыхъ формахъ съ *m* передъ губными происхождение этого *m* (изъ *n* или *m*?) неясно. Несомнѣнныхъ же примѣровъ вокализаціи исконнаго *m* передъ губными я не знаю.

Передъ *j* согласный *m* сохраняется, ср. напр. наст. вр. *veimju* отъ *veimt*. Сочетанія *-mv-*, *-mr-*, *-ml-* теперь въ латышскомъ языкѣ не встрѣчаются (за исключеніемъ сложныхъ словъ въ родѣ *ām-gīja Ulm. «gefässiger Mensch»*), и за неизмѣнѣмъ достаточнаго матеріала трудно сказать, что съ ними стало, если они раньше существовали ¹⁾. Въ началѣ же словъ, какъ полагаютъ, *ml-*, *mr-* перешли въ *bl-*, *br-*, ср. Johansson KZ. 30, 444, Bezzenberger BB. 19, 248 и Prellwitz 25, 282, Fick I. с. III⁴ 285. Передъ *n* согласный *m* теперь имѣется только въ производныхъ словахъ съ суффиксомъ *-nēks*, *-nēse*, при чемъ весьма употребительныя формы *saīmnēks* «хозяинъ», *saīmnēse* «хозяйка» въ части говоромъ теряютъ или *m*, или же *n* ²⁾.

Сочетанія же гласныхъ съ тавтосиллабическимъ *n* въ общемъ правильно подвергаются вокализаціи, при чемъ *an* (черезъ *on > on > o > o*) перешло въ *ā*, *en* (черезъ *e > ē*) въ *ē*, *in* въ *ī*, *un* въ *ū*. И, какъ уже указано Поржезинскимъ I. с. 97 и РФВ. 39, 297, начало этого явленія вѣроятно восходитъ къ эпохѣ литовско-латышскаго единства. Есть однако теперь немало формъ съ тавтосиллабическимъ *n* въ латышскомъ языкѣ. И, при поверхностномъ ознакомленіи съ матеріаломъ и безусловно полагаясь на Биленштейна, легко можно прийти къ заключенію, будто-бы именно при длительной интонаціи сочетанія гласныхъ съ *n* избѣгли вокализаціи. Съ одной стороны, Биленштейнъ заявляетъ (ср. I. с. §§ 63 и 89—92), что лит. *an* = лат. *ā* съ прерывистою интонаціею (съ которою, какъ извѣстно, въ его говорѣ совпала нисходящая интонація) и рѣдко *ā* съ длительною интонаціею, лит. *in* = лат. *ī* съ прерывистою интонаціею и рѣдко *ī* съ длительною интонаціею, лит. *en* = лат.

1) Лит. *imlōti* (въ словарѣ Юшкевича) конечно не доказываетъ еще сохранения *-ml-*; рядомъ съ нимъ *imblōti* Ю., *rajem(b)lus* у Гейтлера и *rajemblūs «docilis» Viltis 1908, 83.*

2) Ср. также лит. *prēnē* Лит. хрест. 384, 13 изъ *prēm(i)nē* «сѣни».

ё съ прерывистою интонаціею, лит. *in* = лат. *ī* съ прерывистою интонаціею (такъ что получается впечатлѣніе, будто-бы при длительной интонаціи сочетанія *en* и *in* сохраняются всегда, а сочетанія *an* и *in* въ большинствѣ случаевъ); а, съ другой стороны, въ спискѣ примѣровъ сохранения тавтосиллабическаго носового звука (I. с. §§ 95 и 96) несомнѣнно преобладаютъ формы съ длительною интонаціею корня, при чемъ однако надо имѣть въ виду, что въ правописаніи Биленштейна (какъ и въ словарѣ Ульмана) длительная интонація тутъ обозначается отсутствіемъ всякаго знака, а такъ же имъ пишутся формы (напримѣръ изъ старопечатныхъ книгъ), интонаціи которыхъ онъ очевидно не зналъ. Но что такое заключеніе было бы ошибочно, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ одной стороны, имѣются несомнѣнные примѣры вокализации тавтосиллабическаго *n* при длительной интонаціи: *lūdāt* или *lūžnāt* (лит. *lándžioti*) «ползать»; *grūzīt* (лит. *gražyti*) «вертѣть»; *trūts* «брусъ» (къ *trīt*); *grūdi* («колодезный» срубъ), ср. наприм. Leskien Ablaut d. Wurzels. 328 и Walde I. с. подъ *grunda*; *pūtite* «лодыжка», ср. Leskien I. с. 338 и Lewy PBrV. 32, 143² (*pūte* «прививокъ» же, которое Лескинъ, и самъ сомнѣваясь, тоже относитъ сюда, заимствовано изъ германскихъ языковъ, ср. Thomsen Beröringer 94 и Johansson KZ. 36, 352); *līgūtēs* (лит. *lingūti*) «качаться»; *trīt* (лит. *trinti*) «тереть, точить»; *škīt* (лит. *skinti*) «ощипать»; *mīt* (лит. *minti*) «топтать»; *pažīt* (интонація Биленштейна и П. Шмидта; лит. *pažinti*) «знать»; *zī-tars* (ср. лит. *gintāras*) «янтарь»; *trīcēt* (лит. *trinkėti*) «дрожать»; *gnīda* (ср. лит. *glinda*) «гнида»; *spōgana* «вѣдьма», ср. Leskien I. с. 345; *cēkurzis* (ср. лит. *kankorėžis*) («еловая» шишка); *ētaļa* (по Шмидту; ср. лит. *jentē*¹⁾ Bezenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 291 и GGA. 1885 г. 916) «ятровъ»; асс. pl. *mūs, jūs* (по Биленштейну; изъ **muns, *juns*) «насъ, васъ». Число примѣровъ съ прерывистою интонаціею лишь немного больше, такъ какъ большинство примѣровъ вокализации тавтосиллабическаго *n* произносится съ нисходящею интонаціею коренного слога. И съ другой стороны, съ *n* являются также слова не

1) Ср. также *gentē* (у Куршата въ скобкахъ), гдѣ *g* вѣроятно обозначаетъ *j*.

съ длительною интонаціею, ср. напр. *blāndītēs* «шляться», *blīnda* «бродяга», *ceiñstēs* «стараться», *luñkans* «гибкій», *treñkt* «гнать», *speñgt* (наприм. въ Трикатенѣ) «пищать» и др. И если въ упомянутомъ спискѣ Биленштейна преобладаютъ формы съ длительною интонаціею корня, это отчасти объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ихъ числѣ немало словъ, заимствованныхъ изъ финскихъ и германскихъ языковъ (заимствованныя же слова получаютъ въ латышскомъ по преимуществу длительную интонацію), и словъ неизвѣтнаго (значить, можетъ-быть и поздняго) происхожденія. И такъ, я полагаю, что въ извѣстную эпоху въ латышскомъ языкѣ подверглось вокализации всякое (существовавшее въ то время) тавтосиллабическое *n*, и что, слѣдовательно, всѣ теперешнія формы съ тавтосиллабическимъ *n* (и въ извѣстныхъ, выше упомянутыхъ случаяхъ также съ *m* передъ губными) болѣе поздняго происхожденія на латышской почвѣ. Происхожденіе ихъ можетъ быть различно. Въ нѣкоторыхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ явными новообразованіями отъ корней на *-n*: *skañdināt* «звонить» отъ *skanēt* «звенѣть», какъ напримѣръ *guldināt* «укладывать спать» отъ *gulēt* «спать» (это *-(d)ināt* и теперь еще является производительнымъ суффиксомъ, и связь *skanēt* съ **skūdināt*, если когда либо существовала и эта форма, не сознавалась бы говорящими); *tintelēt* (Bielenstein I. c. I 412) «einmummeln» отъ корня *tin-*, какъ наприм. *drāztelēt* (I. c. 411) «schnitzeln» отъ корня *drāz-*; *minstītēs* (Ulm.) «nachdenken, um sich zu erinnern» (ср. также III л. наст. вр. *minstinās* LP. I 154 и VI 1, 416) къ *minēt* «помянуть, гадать», какъ наприм. *gulstītēs* (Ulm.) «sich oft niederlegen» къ *gulēt* (глаголы на *-stīt* весьма употребительны, ср. Bielenstein I. c. I 433); *suntana* (Ulm.) «ein grosser Hund» (ср. герм. *hunda-*) къ *suñs* «собака» (**sūtana* потеряло бы связь съ *suñs* въ сознаниіи говорящихъ и поэтому *n* восстановлено), ср. къ этому слову P. Persson BV. 19, 282, Hirt PBrB. 22. 231 сл., Osthoff Etymol. Parerga 241. Кое-гдѣ *n* (*m*) явилось путемъ диссимиляціи: *skañgals* (въ части говоровъ *skalgangs*) «лучина» изъ *skalgangs* BW. 15997, 2 вар.; *bumbulis* (Ulm.) «Knolle, Auswuchs, Beule»; можетъ-быть, съ *m* путемъ диссимиляціи изъ *l*, ср. Uhlenbeck PBrB. 20, 327 и Walde I. c. подъ *bulbus*; *ceñcers* (Ulm.) «ein alter Baumstumpf» (рядомъ съ *cers*

Ulm. «knorrige Baumwurzel») и kankars (рядомъ съ kakars) «тряпка», можетъ быть, съ *n* изъ *r*. Затѣмъ, какъ выше указано уже, *n* въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ *d*, *t*, *g*, *k* восходитъ къ *m* и поэтому тамъ сохраняется. Далѣе *n* правильно сохраняется тамъ, гдѣ оно стало тавто-силлабическимъ лишь послѣ утраты слѣдовавшаго за нимъ гласнаго, какъ напримѣръ въ пом. s. основъ на *-o* (наприм. tvañs «чадъ, паръ») или въ III л. наст. вр. (наприм. dzeñ = лит. gēna «гонить»), и въ первой части сложныхъ словъ (наприм. señtēvi «предки»), причѣмъ *n* часто удобляется слѣдующему за нимъ губному звуку: sumprūñis «людоѣдъ» (къ suñs «собака»); vī[n]meðus BW. 1467 вар. «медъ» (напитокъ); cē[n]māte «барыня», наприм. въ Нейенбургѣ, Крутенѣ и многихъ другихъ говорахъ Курляндіи; sē[n]malis «прилегающая къ стѣнѣ сторона», наприм. въ Альтъ-Шварденѣ. Исчезло *n* также въ vĕ[n]geiz «одинъ разъ» въ Нейенбургѣ. И въ части говоровъ, какъ уже указано Мюленбахомъ JF. 17, 434¹, исчезаетъ *n* передъ *š* въ vīñš «онъ» и въ уменьшительномъ суффиксѣ *-iñš*, причѣмъ предыдущее *i* удлинняется. Если во многихъ говорахъ встрѣчается vīš (съ краткимъ *i*; рядомъ съ уменьшительнымъ суффиксомъ *-iš*), то это на мой взглядъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что vīš часто находится въ проклитическомъ положеніи, гдѣ оно могло быть сокращено изъ vīš; упомянутые же Мюленбахомъ I. с. говоры съ уменьшительнымъ суффиксомъ *-iš* (съ краткимъ *i*) вообще сокращаютъ неударяемые долгіе гласные суффиксовъ. Утрачено *n* также въ уменьшительномъ суффиксѣ *-īc*, gen. s. *-īna*, употребительномъ во многихъ говорахъ средней Лифляндіи, наприм. около Вольмара (въ этихъ говорахъ между *n* и *s* вставляется *t*), наприм. draūdzīc «дружокъ», gen. s. draūdzīna; такъ какъ въ vīnc «вино» (изъ vīns) въ этихъ говорахъ *n* сохраняется, то я склоненъ думать, что уменьшительный суффиксъ *-īnc* (изъ *-īns*) перешелъ въ (въ пом. s.) *-īc* подъ вліяніемъ уменьшительнаго же суффикса *-īc* изъ *-īt(i)s* (наприм. brālic «братецъ» изъ brālītis). Въ Нейенбургѣ, какъ уже указано Мюленбахомъ I. с., исчезаетъ *n* передъ *s* также въ суффиксѣ *-ēns* (напримѣръ sīvē[n]s «поросянокъ», gen. s. sīvēna) и также въ весьма употребительномъ bē[n]s «дитя» (gen. s. bēna) изъ bēns, между тѣмъ какъ наприм. lēns «кроткій» и здѣсь сохраняетъ свое *n*. Въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ (ср. вышеупомянутое *kuñgs* «господинъ»), можетъ быть, утраченъ гласный послѣ *n* также въ коренномъ составѣ слова, какъ это относительно *señstës* «стараться» предполагаетъ Zubatý AfsI Ph. 16, 387. Затѣмъ *n* сохраняется въ словахъ, заимствованныхъ изъ финскихъ, германскихъ и славянскихъ языковъ, изъ которыхъ тутъ приведу лишь нѣсколько примѣровъ: *vangas* (или *vañgi*) Ulm. «Fesseln, Schlinge», по моему мнѣнiю, тождественно съ несомнѣнно заимствованнымъ *vangas* (или *vañgi*) «плѣнь» (← нѣм. *Gefangenschaft*; ср. еще у Ульмана: *vañgi* «die Gefangenen», *vañgūt* «*gefangen nehmen*» и др.), между тѣмъ какъ Fick I. с. III⁴ 389 (и, сомнѣваясь, также Leskien Ablaut d. Wurzels. 355) считаетъ *vangas* исконно латышскимъ словомъ; *vañgale* (также *mañgale*) «Mangelholz» навѣрно заимствовано изъ нѣмецкаго языка (о чемъ, сомнѣваясь, думаетъ также Leskien I. с.; относительно перехода *m* въ *v* ср. наприм. пракр. *vammaha* изъ санск. *manmatha* «любовь» Brugmann Grdr. I² 853); *buñgas*¹⁾ «барабанъ» изъ нижненѣм. (и средневрхн.) *bunge* «барабанъ» (у Фика I. с. III⁴ 256 и ВВ. 16, 194), между тѣмъ какъ Brückner I. с. 74, по моему мнѣнiю, неправильно объясняетъ лит. *bunga* путемъ перестановки изъ *būgnas*; *kliñts* «скала» изъ средненижненѣм. (или шведск.) *klint* у Фика I. с. III⁴ 56; *ruñga* «дубина» изъ германскихъ языковъ, ср. герм. **hrungō* у Фика I. с. III⁴ 108 и Zeidler Mag. XVI 1, 53. Нѣкоторыя слова съ тавтосиллабическимъ *n* въ корнѣ неяснаго происхожденiя; отчасти они могутъ быть также заимствованы, отчасти же могли возникнуть уже послѣ (начала) вокализации тавтосиллабическаго *n*, какъ наприм. звукоподражательныя слова *kuñkstêt* (Билештейнъ почему-то пишетъ: *kuñgstêt*) «стонать», *pluñčūtës* «плескаться», *tran(k)škinât* «бряцать» и др. Наконецъ, имѣются также исконно балтiйскiя слова съ тавтосиллабическимъ *n*, не допускающiя ни одного изъ указанныхъ объясненiй. При этомъ въ однихъ случаяхъ извѣстны только формы съ *n*, наприм. *skrañda* «тряпка» (ср. лит. *skrándas* или у Межиниса *skranda* «alter Pelz» и восточнолит. *ska-*

1) Отъ *buñgas* очевидно произведено *bungât* Ulm. «(trommeln) Rippenstösse geben», между тѣмъ какъ Zupitza (d. germ. Guttur. 160) и Uhlenbeck (въ этимол. словарѣ санскр. яз. 195) считаютъ *bungât* исконно балтiйскимъ словомъ.

gunda «тряпка» съ *un* изъ *an* у Ширвида по указанію Буги l. c. 127), sprands (лит. sprándas) «Genick», slīnks (лит. slinkas у Лескина l. c. 343) «лѣнивый», brangs или breñgs «великолѣпный» (ср. лит. brangùs «дорогой») и др.; въ другихъ же случаяхъ стоятъ рядомъ формы съ *n* и формы съ вокализациею его, наприм. spreñdz (въ Трикатенѣ) рядомъ съ обычнымъ spēdz «пищитъ» (ср. лит. speñgia), treñkt рядомъ съ trēkt «гнать» (ср. лит. treñkti), apliku рядомъ съ aplinku «окольнымъ путемъ» (ср. лит. aplīnkui) и др. Остается, повидимому, только возможность считать эти латышскія формы съ *n* заимствованными изъ прочихъ балтійскихъ нарѣчій, гдѣ *n* сохранилось (какъ относительно aplinku думаетъ и Zubatý JF. 3, 124), или изъ литовскаго языка, или же изъ какого нибудь теперь вымершаго нарѣчія (не для всѣхъ латышскихъ формъ съ *n* извѣстны, по крайней мѣрѣ теперь, соотвѣтствующія формы въ литовскомъ языкѣ), подобно тому какъ заимствованы вѣроятно и латышскія формы съ *k* и *ġ* вмѣсто ожидаемаго *s*, *dz*, ср. мою статью ВВ. 29, 191 сл.¹⁾ Исконно балтійскихъ словъ, которыя содержатъ одновременно и *k* или *ġ* и тавтосиллабическое *n*, немного, и, можетъ быть, почти всѣ они извѣстны только въ мѣстностяхъ, которыя граничатъ съ Литвою; у Биленштейна l. c. I 144 слл. дается kiñkēt «запрягать» (изъ Ново-Аутца, ср. лит. kinkyti²⁾, ġinstu «vergehe» (прош. вр. ġindu),

1) Въ этой статьѣ мною ясно признано заимствованіе части латышскихъ формъ съ *k* и *ġ*, и поэтому довольно странно, если JF. 22, 316 W. v. d. Ostensacken (который тамъ же утверждаетъ, что лат. tveġt относительно интонаціи не соотвѣтствуетъ лит. tvėrti, показывая такимъ образомъ, что кромѣ устарѣлой книги Гирта ничего не читалъ изъ литературы по этому вопросу), оспаривая предложенное мною въ упомянутой моей статьѣ объясненіе лат. kėġt и наставляя меня на путь, повторяетъ мнѣ, что лат. формы съ *k*, *ġ* должны считаться заимствованными. А что до kėġt, то приведенное имъ l. c. 340 лит. atkėrti по своему значенію слишкомъ расходится съ лат. kėġt, а, съ другой стороны, существованіе kvėrt и aizkaġt, какъ мною указано l. c. 190, ясно показываетъ, что kėġt получило путемъ контаминаціи изъ *kaġt и tveġt.

2) Форма ġinstu вѣроятно (ср. Wiedemann d. lit. Präter. 65) новообразованіе вмѣсто *ġindu, а въ *ġindu in вѣроятно восточно-литовскаго происхожденія (изъ en). Инфинитивъ этого малоизвѣстнаго (ср. Mühlenbach ВВ. 29, 78; не знаетъ его также Hesselberg, Lett. Sprachlehre 42) глагола также по Биленштейну (l. c. I 374) имѣетъ странную форму ġint, которая объясняется различно (ср. Wiedemann l. c. 65 сл., Johansson KZ. 32, 484 сл., Siebs KZ. 37, 315, Mühlenbach l. c. Но очень возможно, что Биленштейнъ самъ этой формы

ср. лит. *gėndù*, и изъ словаря Ульмана можно привести *gente* (или *ginta*; последнее слово можетъ имѣть восточнолитовское *in* изъ *en*, или же *in* получило изъ *im*, и *ginta* = лит. *ginta = лат. *dzimta*) «*Familie, Verwandtschaft*», ср. лит. *gentė* (у Юшкевича). Гораздо больше словъ съ *c* или *dz* и *n*: *dandzis* (Ulm.) «*Radfelge*» (родственно съ слав. *dogo); *dzintars* (рядомъ съ *dzītars* = лит. *gintāras*) «янтарь»; *duncis* (рядомъ съ *dūcis*) «кинжалообразный ножъ»; *sence* (Ulm.) «*Muschel*»; *kancināt* (Ulm.) «*ausforschen*» и др. Это, повидимому, указываетъ на то, что вокализация тавтосиллабическаго *n* началась раньше перехода *k*, *g* въ *c*, *dz*. Этому противорѣчило бы *gėdu* «замѣчаю, наблюдаю» съ неопр. накл. *gīst*, если только дѣйствительно, какъ полагаютъ въ виду лит. *pasigėndù*, латинск. *prehendo* и др., *ė* тутъ восходить къ *en*, но другихъ примѣровъ съ *g* или *k* и вокализациею *n* я не знаю, и *gėdu* могло бы имѣть *g* вмѣсто ожидаемаго *dz* подъ литовскимъ вліяніемъ, ср. (pa)*gėstės* и *gėdūtės* у Ульмана.

Остается мнѣ еще сказать нѣсколько словъ о судьбѣ сочетанія *-ln-*. Въ литературномъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ правописаніи, господствуютъ формы съ сохранившимся *-ln-*. Въ говорахъ же отчасти *-ln-*

не слышалъ, но взялъ ее (подобно многимъ другимъ) у своихъ предшественниковъ, а у тѣхъ возможность ошибки не исключена. Итакъ, если дѣйствительно существуетъ или существовалъ инфинитивъ *gint*, я представляю себѣ исторію этого глагола на латышской почвѣ слѣдующимъ образомъ. Къ наст. вр. *gindu (изъ восточнолит. *gindù*) на латышской почвѣ должна была возникнуть форма прош. вр. *gindu* вмѣсто *gedu (= лит. *gedaũ*), такъ какъ отношеніе *gedu: *gindu не имѣло ничего себѣ подобнаго въ латышскомъ языкѣ, и далѣе инфинитивъ *ginst вмѣсто *gest (= лит. *gėsti*) по той же причинѣ. Подъ вліяніемъ инфинитива *ginst и благодаря сходству значенія съ глаголами, наст. вр. которыхъ оканчивается на *-stu*, наст. вр. *gindu перешло въ *ginstu* (ср. напр. *kalst* «засыхать»: *kalstu* «засыхаю»), а къ *ginstu* далѣе могъ возникнуть инфинитивъ *gint* вмѣсто *ginst подобно *vīt* «увядать» (въ Кабиллентѣ, Bielenstein l. c. I 373) вмѣсто *vīst* къ *vīstu* «увядаю», о чемъ ср. Mühlenbach l. c. 77 сл. Отъ *gind-* произведены *ginda* (Ulm.) *dünner Knochenmensch* и *gindēns* (Ulm.) «*Totengerippe*». Причастіе *izgidis* (въ Нейенбургѣ) «истертый» (по отношенію къ матеріи) вѣроятно получило путемъ контаминаціи изъ *izgedis (ср. выше) и *izgindis*. Ульманъ даетъ также *sagidis* «*verfallen*» и прибавляетъ (вѣроятно не существующія) формы инфинитива *sagist* и наст. вр. *sagistu*. Тотъ же Ульманъ даетъ еще (sa)*gedēt* «*zergehen*» и причастіе *ragedis* «*verdorben*», которымъ и подтверждается предположеніе о существованіи прош. вр. *gedu.

переходить въ *-ll-* (*ll* тутъ обозначаетъ долгое *l*, среди котораго начинается новый слогъ). Только съ *-ln-* мнѣ теперь извѣстны слова *dzilna* «желна», *vilnis* «волна», *salna* «морозъ», но очень возможно, что найдутся еще говоры, въ которыхъ и эти слова имѣютъ *-ll-* изъ *-ln-*. Слова же *vilna* «шереть», *vēlns* «черть», *mēlns* «черный», *riīns* «полный» почти во всехъ извѣстныхъ мнѣ нижнелатышскихъ говорахъ имѣютъ теперь *-ll-* изъ *-ln-* (какъ и все произведенныя отъ этихъ словъ формы), причемъ въ тѣхъ говорахъ, гдѣ между *n* и *s* вставляется *t*, говорятъ *vēļs*, *mēļs*, *riļc* (gen. s. *vēļļa*, *mēļļa*, *riļļa*), что указываетъ на то, что *-ln-* перешло въ *-ll-* только послѣ возникновенія вставнаго *t*. Только изъ Наудитенскаго говора нижнелатышскаго нарѣчія мнѣ (по сообщенію г. Мюленбаха) извѣстны формы съ *-ln-*: *vēlns*, *mēlns*, *vilna*. Рядомъ съ упомянутыми формами съ *-ll-* въ нижнелатышскихъ говорахъ (вѣроятно, въ большинствѣ ихъ) сохраняется *-ln-* въ словахъ *dēļna* «ладонь» (*dēļa* я знаю изъ Кайпена, гдѣ уже замѣтны нѣкоторыя особенности восточнолатышскихъ говоровъ, и изъ словаря Ульмана безъ указанія мѣстности; тамъ же даются *dēļa* «Handgelenk» изъ Петерскапелле и *dēļs* (gen. s. *dēļa*?) «Arm» изъ Сессау), *vilnis* «родъ грибовъ» (въ словарѣ Ульмана также *villitis* безъ указанія мѣстности), *milns* «коль» или *milna* (*milla* дается въ словарѣ Ульмана изъ Залисбурга и Mag. XIII 2, 51 изъ Линдена въ Курляндіи, гдѣ (т. е. въ Линденѣ) уже замѣтны нѣкоторыя особенности восточнолатышскихъ говоровъ), *reļni* «пепелъ» (съ *-ll-* Mag. XIII 2, 61 изъ Линдена), *reļnit* «зарабатывать» и *reļņa* «заработокъ» (*reļņa* и III л. наст. вр. *peļlei* мнѣ извѣстны изъ Кайпена), *kaļns* «гора» (формы съ *-ll-* мнѣ извѣстны изъ Кайпена, гдѣ рядомъ съ *dzilna* наприм. loc. s. *kāļļa*, безъ указанія мѣстности изъ словаря Ульмана, изъ Линдена Mag. XIII 2, 43 и изъ BW. 695 var.). Изъ восточнолатышскихъ же говоровъ одни сохраняютъ *-ln-* вездѣ, другіе же обращаютъ *-ln-* въ *-ll-* даже въ тѣхъ словахъ, гдѣ большинство нижнелатышскихъ говоровъ сохраняетъ *-ln-*. Къ послѣднимъ относятся наприм. Ней-Розень (loc. s. *kollā* и loc. pl. *rallūs* LP. VI 670), Опекальнъ (loc. s. *kāļļa* Mag XIII 1, 22), Ней-Шванебургъ (*kols*, *mils*, *ralli*, nom. s. fem. g. part. praet. *pellejusa*; но *soļna*, *vilni* «волны»), Альтъ-Шванебургъ (*kols*, *mils*, *dalla*), Кортенгофъ (*kols*, *dalla*; но *vilns* «волна»), Тирзень (loc. s.

kollā; gen. pl. pallu), Леттинъ (dalla, mils; но dzilna), Лизонъ (g. s. kālla), Кропенгофъ (gen. pl. pallu, peĶa, kols, dalla; но dzilna и асс. s. vilni «волну», Ремерегофъ (kols, deĶa). Сохраняютъ же *-ln-* также въ словахъ viĶna, veĶns, meĶns, piĶns наприм. Одзень, Берзонъ, Зельзау (ср. ВВ. XVI 328—330), Эрлаа, Мейранъ, Лубагъ, Буцковски, Лаудонъ, Одензе, Савензе, Кальценау, Линденъ (въ Лифляндіи), Фестенъ, Девенъ, Лезернъ, Крейцбургъ, Ликсна, Воркова, Прейли, Илукетъ, Лассенъ, Гроссъ-Бушгофъ, Дубена, Пикстернъ, Сеценъ, Зельбургъ, Экенграфъ, Гольмгофъ. Часть послѣднихъ говоровъ (наприм. Гроссъ-Бушговъ, Дубена, Пикстернъ, Прейли) имѣеть *-ln-* вмѣсто *-ll-* даже въ заимствованномъ изъ нѣмецкаго языка словѣ eĶle «адъ», врядъ ли путемъ чисто фонетическаго процесса, такъ какъ тоже заимствованныя слова stallis «конюшня» и zellis «подмастерье» и въ этихъ говорахъ сохраняютъ *-ll-* (съ *-ln-* изъ *-ll-* ср. baĶva «чанъ» въ Гроссъ-Бушгофѣ вмѣсто, тоже заимствованнаго (изъ шведск. balja), baĶa прочихъ говоровъ). Какъ нѣкоторые другіе процессы ассимиляціи, такъ и переходъ *-ln-* въ *-ll-* въ латышскомъ языкѣ, какъ видно изъ предыдущаго, не поддается никакимъ звуковымъ законамъ (ср. съ этимъ *-lv-* рядомъ съ *-ll-* изъ *-lv-* въ греческомъ языкѣ); можно только сказать, что переходу *-ln-* въ *-ll-* благоприятствуютъ длительная интонація и частое употребленіе слова.

Въ Эрлаа и Фестенѣ (гдѣ *-ln-* сохраняется) изъ *melnenes «черника» получилось (должно-быть, подъ влияніемъ начальнаго *m-*) melmenes. Путемъ диссимиляціи получились bēlīnīgis «чердакъ» (наприм. въ Нидеръ-Бартау) изъ заимствованнаго *bēnīnīgis (рядомъ съ bēnīnīš) и medikis (Ulm.) «Mönch an der Schleuse» изъ заимствованнаго menikis.

Этимологическія мелочи.

Латышск. -dabls.

Латышск. -dabls въ nedabls (nedablas zāles Ulm. «giftige Kräuter») очевидно родственно съ црксл. добръ, добль и др., на что не указано еще въ этимологическихъ словаряхъ.

Лит. -gu : греч. -χου.

Греч. χου въ πάγχου «совершенно» (ср. однозначашее πάν-ου) я сопоставляю съ прксл. гъ въ *негъли* и лит. -gu наприм. въ an-gu «или» и др. (ср. Leskien JF. 14, 98 и Bezzenberger KZ. 41, 112¹). Zubatý, правда, возводитъ JF. 6, 307 и въ *gu* къ *ũ* (изъ индоевр. *ō*), но *несомнѣнныхъ* слѣдовъ *ō* въ этомъ словѣ мы не находимъ ни въ литовскомъ, ни въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. А что до первой части лит. an-gu (и прусск. an-ga «об»), то уже Фортунатовъ сопоставилъ KSB. 8, 114 сл. это an- съ (латинск. и) гот. an, съ которымъ далѣе сопоставляется греч. ἄν, но въ этимологическихъ словаряхъ послѣднихъ языковъ балтійское an- все еще не приводится.

Латышск. āvītēs.

Etnograf. ziņas par latv. III 145 (ср. также I 90) приводится глаголъ āvītēs (съ объясненіемъ: дѣлать что нибудь, не умѣя, но притворяться умѣющимъ, такъ что другимъ смѣшно), и словарь Ульмана даетъ (изъ Оппекална) āvētēs «Jux treiben»; отъ этого глагола произведено существительное āvēkls, асс. s. котораго āvaklu (съ восточнолат. переходомъ *e* въ *a*) мы встрѣчаемъ наприм. въ журналѣ Austrums (1904 г., стр. 725) въ оборотѣ nestaigāšu pasaulei par āvaklu (= ērmi; ср. ērims въ словарѣ Ульмана) аркārt (о человѣкѣ, обращающемъ на себя вниманіе своимъ страннымъ костюмомъ). Съ этимъ āvītēs очевидно тождественно лит. ovūtis «sich im Gesicht (= Traum) sehen lassen; übermütige Scherze treiben», которое считается (Брюкнеромъ и Бернекеромъ) заимствованнымъ изъ славянскихъ языковъ; но въ виду отсутствія *j* (передъ *ā*) и нѣкотораго различія въ значеніи я скорѣе склоненъ считать эти литовско-латышскія формы родственными съ прксл. авити или явити и др. (Berneker 34).

Старолит. -рѣ?

Въ своихъ Латышскихъ предлогахъ I 168 сл. я изъ постиллы Даукши (129, 17) привелъ форму tospieg, считая ее аналогичнымъ видоизмѣненіемъ болѣе древняго tos-pi-g; и Зубатый въ своей рецензій (IFAnz. 22, 59), вѣроятно не повѣривъ моей цитаты, также читаетъ tos-pë-g,

но считаетъ это *-rē-* формою литовско-латышскаго праязыка, возводя къ ней лит. *-rī-*, лат. *-r-*. Теперь однако я убѣдился, что это *tospieg* Даукши представляетъ собою не *tos-rē-g*, но *tos-r-jeg*, съ такимъ же *-jeg* (со значеніемъ р. *же* въ «тотъ-же») какъ наприм. *tos-ieg* «той-же» l. с. 191, 3, *tais-ieg* 146, 8 «тѣми-же» (ср. также Leskien JF. 14, 104). Спѣшу исправить эту ошибку, пока не поздно: въдѣ если это мнимое старолит. *-rē* попадетъ въ этимологическіе словари, то трудно будетъ его искоренить. Такъ напр., несмотря на указанія Брюкнера и Лескина (JF. 19, 206), заимствованное изъ славянскихъ языковъ лит. *kavóti* у Фика III⁴ все еще приводится въ качествѣ исконно балтійскаго слова. То же самое случилось еще со слѣдующими заимствованіями литовскаго и латышскаго языковъ: лит. *smūtnas* Fick III⁴ 532 (ср. Brückner 135), лат. *eřrīgs* «ärgerlich» и *eřrestība* «Ärger» W. v. d. Osten-Sacken JF. 23, 380 (отъ *eřrūtēs* < н. *sich ärgern*; въ исконно балтійскихъ словахъ *-rr-* не встрѣчается, а Ульманъ въ заимствованныхъ словахъ съ *-rr-*, *-ll-*, *-mm-*, *-nn-* вездѣ ошибочно пишетъ *-r-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*), лат. *kaļada* ((Ulm.) «Geschrei, Lärm» (*kuņa ved kaļadu*) «der Hündin folgt ein Zug von Hunden») Prellwitz² 204 (въ ошибочномъ правописаніи: *kalada*), Walde 85 и 125 (такъ же: *kalada*), Fick III⁴ 83 (конечно также *kalada*), изъ р. *коляда*, лат. *jaktēt(ēs)* «herumtollen» Fick BB. 2, 201 (отъ *jakts* «Jagd, Herumtollen»; отсюда же конечно и неизвѣстное мнѣ *jaktas* «Scherz» у Зубатого AfslPh. 13, 480 и Прельвица² 166 и др., лат. *kruts* «steil» Leskien Ablaut d. Wurzels. 300, Fick III⁴ 107, Bezenberger GGA. 1885 г. 946, изъ р. *крутой*, лат. *dūja* «домашній голубь» Prellwitz BB. 22, 103, изъ нижнен. *Duw* (> лат. **dū(w)a* > *dūja*), лат. *duļs* (gen. s. *duļļa* «halb-toll» Johansson KZ. 32, 480 и Fick III⁴ 215, изъ нижнен. *dull* (какъ указалъ уже Leskien Bild. d. Nomina 191), лат. *maļītēs* (Ulm.) «dringend sich bemühen» Prellwitz² 305, Walde 390, Fick III⁴ 322 (съ обязательно ошибочнымъ правописаніемъ: *malītēs*; ср. еще *narkšēt* и *nirkstēt* l. с. 521 вмѣсто *narkšēt* и *nirkstēt*, *limt* l. с. 363, Walde 324 вмѣсто *Ķimt*, *laudis* Fick III⁴ 375 вмѣсто *laūdis*), изъ р. *молиться* (ср. наприм. *maļjās tēvam vīrsū* LP. VI 391 «приставалъ къ отцу съ просьбою»), лат. *pārlags* Prellwitz² 266, Walde 330, изъ р. *перелогъ*

(какъ указали Brückner 179, Leskien I. с. 171), лат. spīkis (съ тѣмъ приставнымъ s-, которое въ латышскомъ языкѣ такъ часто, особенно въ заимствованныхъ словахъ, является передъ p-, t-, k-, рядомъ съ pīkis), Walde 468 (передано конечно ошибочно: spikis), Fick III⁴ 512 (также ошибочно: spīkis), изъ н. Pike, лат. spaīnis Fick III⁴ 508, изъ средненижнен. span, лат. stute Fick III⁴ 495, изъ германскихъ языковъ (ср. средневерхнен. stud «Stütze» и средненижнен. stutten «stützen», откуда лат. stutēt), лит. skūrà Prellwitz² 420, Walde 426 (въ невѣрной передачѣ: skurà), Fick III⁴ 465, изъ славянскихъ языковъ (ср. Brückner 133), лит. vōlas Fick III⁴ 401, изъ р. валъ, лит. ūdas Fick III⁴ 386, изъ славянскихъ языковъ (ср. Brückner 149). Здѣсь же я позволю себѣ исправить еще нѣсколько неточностей и недоразумѣній въ IV изданіи III части словаря Фика; стр. 327 слѣдуетъ читать латышск. muša или mūsa вмѣсто mūscha «муха»; стр. 530 лат. smaidīt (Ulm.) «schmeicheln» сближается съ германскимъ корнемъ smit-, но это smaidīt я считаю тождественнымъ съ smaidīt «улыбаться». Отъ этого германскаго smit- произведено средненижнен. smitten «bestreichen» и smitte, откуда получилось лат. smite и smitēt. Германскаго происхожденія также лат. miģeles (Ulm.) «Staubfliegen» (ср. германскія формы у Фика I. с. 327).

Лит. jèkti.

Въ лит. jèkti (наст. вр. jenkù) «blind werden» Leskien (Ablaut d. Wurzels. 329) и за нимъ другіе (такъ еще Walde подъ aquilus) е возводятъ къ индоевр. е. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что е тутъ (въ положеніи послѣ j) получилось изъ а. Куршаты замѣчаютъ относительно jèkinti «blenden», что оно встрѣчается почти только въ сложении съ ar-, и то-же самое вѣроятно относится и къ jèkti. А arjèkti очевидно получилось изъ *ari-àkti (къ āklas «слѣпой») > arjàkti, и послѣ перехода ari- въ ar- неудивительно возникновеніе простаго глагола jèkti. И старое а и сохранилось еще: gen. s. ariakimo (постыла Даукши 84, 18), nom. pl. ariākinti I. с. 84, 27, III л. прош. вр. ariāko I. с. 84, 31, nom. pl. part. praet. arāķe I. с. 143, 9, I л. наст. вр. ariunku (съ восточнолит. переходомъ an въ un) у Ширвида Dicl. 225 (по указанію

Буги Aistiški Studijai I 52), арјакinti, арјакti или апакti у Мелжиса; ср. также словарь Нессельмана подъ jenkü.

Латышск. skapstīt.

Глаголъ skapstīt или skapstēt (Ulm.) «beatmen, durch warmen Hauch beschlagen» (наприм. объ оконномъ стеклѣ) я сопоставляю съ р. коптитъ, коптѣть и пр.; начальное s- представляет собою или известное подвижное s-, или же скорѣе остатокъ возвратнаго мѣстоименія, перенесенный сюда изъ сложныхъ глаголовъ, ср. наприм. skaistēs «сердиться» съ s- подъ вліяніемъ пū-s-kaistēs или ар-s-kaistēs.

Лит. vagà, лат. vaga.

Лит. vagà, лат. vaga (или vāga; приводится также лит. voga «Ackerscholle» у Куршата въ скобкахъ) «борозда» Osthoff (Zur Geschichte d. Perf. 94) сопоставляетъ съ греч. ἀγή «ломка» (къ ἄγυμι). Но сходство значенія не велико, такъ какъ эти балтійскія слова обозначаютъ не всякую ломку, но только проведенную (сохой или плугомъ) борозду. Поэтому я предпочитаю считать лит. vagà, лат. vaga произведенными отъ глаголовъ лит. vagūti, лат. vagūt «бороздить», которые въ свою очередь произведены отъ нынѣ утраченнаго существительнаго, соотвѣтствовавшаго прусск. wagnis, древневерхнен. waganso, гр. ὄφινις и др., какъ наприм. н. schaufeln отъ Schaufel (ср. наприм. лат. pugnus : pugnare : pugna). Если это такъ, то долгота гласнаго въ лат. vāga (и лит. voga) литовско-латышскаго происхожденія, въ пользу чего говорить и нисходящая интонація лат. vāga.

Латышск. ūpis.

Лат. ūpis «филинъ» уже Потебня (РФВ. 6, 149) сопоставилъ съ р. выпь и др., а далѣе эти слова, на что, кажется, еще не обратили вниманія, родственны съ древнеисл. ūfr «Nachteule», древневерхнен. ūfo и др. (у Фика III⁴ 32).

Латышск. ciba.

Лат. ciba «ein kleines hölzernes Gefäß, in das namentlich Butter getan wird» я сопоставляю съ праслав. *събанъ (откуда р. жбанъ

и др.; у Бернекера 165); лат. *siba*: слав. *събапъ = лит. *dirvā*: *dirvõnas*.

Лит. *glūsnis*.

Если лит. *glūsnis* («ива») первоначально обозначало желтую иву (*salix vitellina*), вѣтви которой отличаются своимъ желтымъ цвѣтомъ, то оно произведено отъ *glūsà* «*bursztynowa żółta farba*» (Akielewicz *Głosownia litewska* 176, по указанію Буги *Aistiški Studijai* I 8), которое родственно съ герм. *glēza- «янтарь», ср. *Fick* III⁴ 147 сл.

Латышск. *sēkalas*.

Лат. *sēkalas* «слюна» (съ длительною интонаціею по П. Шмидту) *P. Persson* ВВ. 19, 278² производитъ отъ корня *sei-*; по моему мнѣнію оно путемъ диссимиліаціи получилось изъ однозначащаго *slēkalas* (отъ *slēkas*, рядомъ съ которымъ однозначашее *slēnas*).

Санскр. *kaśchū-*.

Санскр. *kaśchū-* «чесотка» *Uhlenbeck* въ своемъ этимологическомъ словарѣ считаетъ среднеиндійскою формою (изъ *kharjū-*); *Bartholomae* же въ *Studien z. indog. Sprachg.* II 53 и *Grundr. d. iran. Phil.* I 13 сопоставилъ его съ авест. *kasvīš* «Name einer Krankheit», но въ словарѣ своемъ называетъ это сопоставленіе «*ganz unsicher*». Держась прежняго мнѣнія *Bartholomae*, я возвожу санскр. *kaśchū-* къ праиндоевр. **qosk̄(h)ū* (откуда путемъ морфологическаго новообразованія могло получиться и авест. *kasvīš*), и сопоставляю съ нимъ далѣе латышск. *kasus* «чесотка» (которое можетъ восходить къ праиндоевр. **qosk̄(h)u-*), рядомъ съ *kaškis*, отъ *kasit* «чесать».

И. Эндзелинь.

Корректорныя дополненія.

Свою статейку о носовыхъ я отправилъ въ редакцію еще изъ Юрьева, гдѣ въ университетской библіотекѣ не было журнала *Rocznik Sławi- styczny*. Переселившись оттуда въ Харьковъ, я нашелъ, что въ упомяну- томъ журналѣ (I т.) также Миккола высказываетъ мысль: «...w łotyskim,

gdzie w śródgłosie lit. *an, en, in* odpowiadają *û, ê, î*, gdy *am, em, im* się utrzymały». Но такъ какъ у Микколы мы не находимъ никакой мотивировки этого положенія, то я думаю, что появленіе моей статейки не будетъ бесполезно и послѣ указанія Микколы.

Къ латышск. ūpis ср. теперь IFAnz. 25, 69 и KZ. 43, 182.

Къ санскр. kaschū- ср. теперь Trautmann KZ. 43, 153 и 300.

И. Э.